

«Каково это — распахнуть дверь и очутиться в абсолютно незнакомом месте?»

Гето Кибо задумчиво почесал пухлый подбородок. Однако, почувствовав, как палец размазывает по коже въедливую пыль с деревянной решётки, он тут же сморщился, точно от кислого мандарина.

— Тьфу, грязища-то какая!

Кибо скривил белоснежное, точно свежевылепленный баоцзы, личико и брезгливо отдёрнул руку. Рукав напрашивался сам собой, но, бросив взгляд на своё белое кимоно с синим узором стрекоз, — он так и не решился превращать подобную красоту в носовой платок.

Вот же досада!

Кибо с капризной досадой огляделся. Что вообще происходит? У сестры Юко дом светлый, чистый, просторный! Как он мог за мгновение превратиться в эту убогую развалюху? Кругом сквозняки, мусор, труха — от одного вздоха подступает тошнотворный чих.

К тому же толкнул-то он обычную створку сёдзи с красивым узором из бабочек. А за ней — ни сёдзи, ни бабочек, а самая настоящая деревянная клетка.

Они это серьёзно? Кому вообще придёт в голову ставить посреди комнаты эдакую бандуру?

Одно радовало: засов никто не запер, дверца поддалась от лёгкого толчка. Но до чего же эта решётка была пачкающей!

Сжав губы в узкую щелочку, Кибо со всего размаху врезал босой ножкой по полуоткрытой дверце.

Бам!

Деревянная решётка со скрежетом врезалась в стенку клетки и отскочила назад, а Кибо, отчаянно топая и фырка с глубочайшим презрением, вышагнул наружу.

Гнилая клетушка! Измазала его в пыли, да ещё и запереть пыталась?

Фыр!

Впрочем... а вдруг это очередная выходка сестры Юко?

Кибо принялся вертеть головой, рассчитывая вытащить вредную соседку из какого-нибудь

тёмного угла и безжалостно вытереть о её наряд испачканные ладони. Должен же он отомстить за испорченную чистоту!

Гето Кибо, пяти лет от роду, был самым милым и послушным ребёнком на свете. А ещё — исключительно великодушным. Обид он никогда не таил, предпочитая расплачиваться за них сразу же, на месте.

Вредная сестра! Обещала ведь отвезти его... А куда, кстати?

Кибо склонил голову набок и занёс руку, чтобы почесать затылок, но вовремя вспомнил про грязную ладонь. Опустив правую, он подставил чистую левую и задумчиво насупился.

Странно. Почему он ни черта не помнит?

Неужели столь гениальный, совершенный ум способен забыть то, что случилось буквально только что?!

Пока Кибо с ужасом осознавал, что на старости лет — аж в пять-то годиков! — начинает глупеть, уподобляясь помощнику сестры Юко, снаружи донеслись громкие, беспорядочные шаги и разноголосый ор:

— Держите их!

— Ловите мелких тварей!

— Паршивые выродки! Моего внука калечить собрались?! Не прощу, ни за что не прощу!

— Хватит это терпеть!

— Я с самого начала знал, что от их семейки одни беды! Старая ведьма подохла, так теперь эти две мелкие остались!

— Не дадим этим монстрам разорить деревню!

Визжали и мужики, и бабы, и старики, и молодёжь. Кто-то, кажется, пытался робко вставить слово в защиту девчонок, но тоненький голосок тут же затонул в общем ревущем потоке ненависти.

Забыв об угрозе собственного увядающего интеллекта, Кибо семенящим шагом рванул к окну, чья продырявленная бумага пропускала внутрь ледяные порывы ветра. С брезгливой миной оглядев толстый слой грязи на подоконнике, он тихонько цыкнул, жертвуя уже испачканной

правой рукой, упёрся ею в дерево, вытянул шею и вылупил глаза.

Снаружи размахивали лопатами, дубинами и мётлами разъярённые деревенские. С перекошенными от злобы лицами они неслись за двумя маленькими девчушками. Оскал толпы был настолько уродлив, что даже с великолепным зрением Кибо едва мог разобрать их человеческие черты.

«Обезьяны».

Слово всплыло в голове Кибо само собой, точно инстинкт.

... Хм, обезьяны?

Малыш прищурился, разглядывая преследователей, и вновь недоуменно накренил голову.

Странно. На картинках в книжках обезьяны выглядели совсем иначе: шерсти у них было куда больше, да и одевались они не так пёстро.

Захлопав пушистыми ресницами, Кибо перевёл взгляд на тех, за кем гнались «обезьяны».

Беглянками оказались совсем крошечные девочки. Маленькие мартышки? Впрочем, выглядели они тощими, грязными, будто только что извалялись в грязи. Разобрать удавалось лишь то, что одна из них черноволосая, а вторая — светленькая. Зажав ладошки друг друга, они спотыкались и бежали изо всех сил.

— Ну и медлительные же, — протянул Кибо.

И взрослые обезьяны, и маленькие плелись как черепахи. Он сам бегал в разы быстрее!

Но... разве тут всё чин по чину?

Кибо насупил брови. Взрослые и мелкие обезьяны катились целой оравой прямо к его развалюхе. Малыш нутром чуял неладное, хоть и не мог пока взяться умом: девчонки действительно бежали из рук вон плохо, однако мужики не могли их нагнать вовсе не из-за резвости беглянок. Толпа нарочно гнала их в нужную сторону, точно дичь на ловца.

— А-а-а! — отчаянный вскрик разорвал воздух.

Черноволосая малышка оступилась и грохнулась на землю, утянув за собой светленькую подружку.

Личико черноволосой мгновенно побледнело, а из красных опухших глаз брызнули слёзы. Боль оказалась невыносимой!

— Мимико! — Светловолосая девчушка оказалась гораздо выносливее. Забыв про ссадины на коленях и локтях, она пересилила слёзы и проворно подхватила с земли. Подбежав к сестре, она затормозила её: — Вставай! Вставай быстрее, нельзя им попадаться!

В деревне их семью всегда считали проклятыми изгоями. А после смерти родителей людская злоба и вовсе перешагнула все грани. Но они ведь просто видели то, что остальным было недоступно!

Недавно в деревне случился мор, погибли люди. Виновата была тварь-монстр, которую деревенские не замечали, а девочки лишь пытались всех предупредить. Но их тут же объявили убийцами и не желали слушать никаких оправданий.

Что могли сделать две беззащитные сироты против целого посёлка? Только бежать.

Если бы им не перекрыли дорогу в горы, они давно бы укрылись в густом лесу от этих жутких взрослых.

— Нанако... — Черноволосая Мимико пыталась подняться, но подвёрнутая лодыжка отзывалась такой острой болью, что ноги не держали. Хныкая, она из последних сил вырвала свою ручонку из пальцев сестры и закричала: — Беги! Нанако, беги скорей!

— Мимико... — Поняв, что сестра не встанет, Нанако совсем пала духом. Вытирая слёзы, она сжала руку Мимико — бросить её она не могла ни за что на свете. Упав на колени, Нанако обняла отталкивающую её сестрёнку и крепко зажмурилась. Её худощавое, хрупкое тельце мелко дрожало от ужаса.

Людскую злобу они знали слишком хорошо. Если их сделают виноватыми... они умрут?

Вспомнив родителей, которые так и не открыли глаза, девчушки задрожали ещё сильнее.

Они не замечали, что взрослые, способные сгрести их в охапку за полсекунды, вовсе не спешили нападать. Толпа с дубинами замерла в десяти шагах, переглядываясь с омерзением и глубоко скрытым страхом.

О да! Искренне веря, что перед ними виновницы гибели жителей, и помня, как эти двое разговаривали с пустым воздухом, сельчане ненавидели их так же сильно, как и боялись.

Именно из-за этого страха они гнали девочек в заранее расставленную ловушку. Не имея защиты от "нечисти", они придавали себе храбрости лишь толпой.

Впрочем, не все оцепенели от ужаса. Спустя мгновение из толпы вышагнула седая, аккуратно причёсанная старуха с тяжёлой палкой в руках.

При её виде многие деревенские суеверно подались назад.

Эта бабка приходилась матерью старосте их деревни Старого Кагеро. Самая властная и ядовитая баба в округе, злая на язык, так что люди предпочитали обходить её десятой дорогой. На этот раз именно её семейство подняло деревню на расправу — ходил слух, будто девчонки чуть не отправили на тот свет её любимого внучка.

Старухе было плевать на монстров и проклятия. Вылупив глаза, она заверещала на весь лес:

— Ах вы, твари мелкие! Из-за вас мой внучек чуть дух не испустил! Сдохните!

И с этим криком она занесла палку над съёжившимися девчонками.

Никто её не остановил.

Мужики с лопатами и кольями холодно наблюдали. Вспоминая изуродованные трупы односельчан и пережитый кошмар последних дней, они не испытывали ни капли жалости к сиротам из дома Хасаба.

[0131] Если бы не страх перед колдовством, деревня давно бы схватила девок и «очистила» огоньком. Раз уж старуха из дома старосты взяла грех на душу — пусть себе марается, они посмотрят.

Злоба толпы плотной, удушливой волной отравляла воздух глухой деревни.

Будто ощутив эту ненависть, Нанако затрепетала, но лишь сильнее прижала к себе сестру, пытаясь защитить её своей тощей спиной.

И ровно в тот миг, когда дубина готова была обрушиться на спину Нанако, со стороны развалин вылетел камень.

Хрясь!

Камень снайперски ударил прямо по занесённой деревяшке.

Палка вырвалась из рук старухи, крутанулась в воздухе и с сочным хрустом прилетела akurat в физиономию стоявшему рядом мужику.

— А-а-а-агх! Мой нос! — дико взвыл несчастный, хватаясь за разбитое лицо, откуда брызнула алая кровь.

— Мать твою вафля, старая перечница! Ты куда машешь?! — заорал пострадавший парень из семьи Ямагути, заливая пальцы юшкой.

— Орать мне тут будешь, сопляк Ямагути! — Ничуть не смутилась бабка. Хотя камень и не попал по её пальцам, отдача от удара так больно отозвалась в суставах, что кисть занемела.

Да, она попала по соседу, но лишь потому, что кто-то запустил булыжник! Она-то тут при чём?

Брезгливо оглядев окровавленного мужика, старуха потрясла ушибленной рукой и ядовито добавила:

— Стал не пойми где, истукан! Сам виноват, нечего под руку лезть!

Хоть все в деревне знали стервозный нрав старухи, от такой наглости у Ямагути отнялся язык. Он лишь тыкал в неё окровавленным пальцем, задыхаясь от ярости.

Все были отвлечены скандалом. Никто не заметил, как улетевшая в кусты дубина, тяжело грохнувшись на землю, тихо распалась на две идеальные половинки.

Срез был гладким, точно полированное стекло. Никаким ударом о камень или топором такого не добиться — деревяшка распалась так, словно её отсекли невидимым, идеально заточенным лезвием.

<http://bllate.org/book/19572/1934513>